

История первая ВСЕ ЛЮБЯТ КОТИКОВ

— Все любят котиков! — заявила Грета с той непоколебимой уверенностью, которая, как правило, знаменовала начало новой авантюры. — Ты только представь...

Я закрыла глаза, вознеся молитвы всем богам сразу, что, правда, никогда не помогало, должно быть, в силу того, что молитвы мои не имели должного материального подкрепления. И ныне небеса остались глухи. Во всяком случае, Грета не замолчала. А чудовищного вида конструкция, прикрытая пледиком — моим, между прочим, пледиком, всего-то месяц как купленным, — не исчезла.

— ...Нам всего-то и надо...

Гретин звонкий голосок мешал сосредоточиться... нет, не на конструкции, которая, как я чувствовала, доставит мне немало проблем как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

На пледике. На моем пушистом пледике из собачьей шерсти. Я три месяца копила на него! Три растреклятых месяца откладывала монетку за монеткой, отказывая себе буквально во всем!

И скопила. А что скопить не удалось, сторговала. И Грета знает, что в тот день я вернулась осипшая от ругани, но счастливая, как никогда прежде. Это же мой подарок!

Себе подарок. На двадцать пятый день рождения, который мы, между прочим, праздновали!

— Ты... — я сумела разжать зубы и коснуться драгоценного пледа.

Розового. В незабудках. Теперь, правда, поверх незабудок расплзались жирные пятна.

— Ты его... — я всхлипнула, и Грета замолчала.

Она посмотрела на меня с удивлением. Переверла взгляд на плед. И снова на меня. И на плед...

— П-прости, — сказала она, чистосердечно краснея. — Я... не подумала. Увлеклась немного.

Увлекалась она постоянно, и, как правило, эти увлечения не приносили ничего, кроме проблем. Взять хотя бы того эльфа, чье сердце Грета взялась покорять со свойственным ее натуре пылом. И если бедолага к любовным запискам отнесся еще со снисхождением, сонеты, сочиненные в свою честь, стерпел стоически, равно как и арии в Гретином исполнении, то на попытке моей сестрицы проникнуть в личные покои сломался.

И я понимаю. Лоза порыва страсти не выдержала, как и благородные розы, в куст которых Грета рухнула. И у эльфа сдали нервы. Осознал, бедолага, что в любви для Греты нет преград. А мне пришлось нанимать ей адвоката. И штраф платить. Впрочем, к штрафам я даже привыкла.

— Юся, это всего-навсего плед, — Грета хлопала меня по руке. — Успокойся. Скоро мы станем знамениты. Богаты. И ты купишь себе десяток пледов... сотню...

Сотня пледов мне была не нужна. И десяток.

Одного бы хватило.

Уютного. Теплового. Способного избавить меня от осенней хандры, зимней печали, весенней тоски и летней меланхолии, которую Грета относила к естественным издержкам моей профессии.

— Ты только посмотри! — возвестила она и плед сдернула.

Лучше бы она оставила его на месте.

— Что это?

— Клетка.

— Я вижу, что клетка...

Огромная такая клетка, которая заняла половину нашей кухоньки. И главное, прочная. Почему-то данное обстоятельство меня несказанно порадовало.

— И котик, — тише добавила Грета. — Все любят котиков...

Зверь, сидевший в клетке, недобро сверкнул желтым глазом.

Котик?

Если он и был котиком, то давно, на заре своей кошачьей юности, которая, как и человеческая, минула, унеся с собой разбитые иллюзии и пустые надежды. Кот вырос. Заматерел. Обзавелся десятком шрамов, утратил в уличных боях ухо и глаз... в общем, мы с ним сразу друга друга поняли.

— Зачем нам этот котик? — Я осторожно обошла клетку.

Зверь, точно знавший, что ничего хорошего от жизни ждать не следует, поворачивался, не спуская с меня внимательного взгляда.

— Ты совсем меня не слушала! — Грета хлопнула по столу, и котик издал низкий протяжный звук.

А ведь размеров он немалых, в клетке вон едва-едва помещается. Где сестрица его взяла? А главное, что она собралась с животиной делать?

Может, эльфу своему в подарок пошлет?

Эльфы любят живое...

Правда, было у меня предчувствие, что так легко я не отделаюсь.

— Смотри, — Грета погрозила котику пальцем, но тот лишь завыл громче. — Все очень просто. Помнишь, средство для удаления волос, которое я придумала?

Помню.

Забудешь такое... к сожалению, сестрица моя младшая обладала неумемной фантазией, дипломом алхимика — уж не знаю, каким образом ей удалось его получить, — страстью к экспериментам и небольшими, но крайне раздражающими ее усиками.

Усики эти Грета полагала единственным препятствием к своему счастью, которое после случая с балконом осознано масштабы трагедии и вооружилось судебным запретом на приближение. И данное обстоятельство ввергло сестрицу в трехдневную печаль...

В печали Грета была страшна.

И без печали не лучше... нет, не в том смысле. Она симпатичная. Симпатичнее меня, просто... если уж гово-

речь о ней, о нас с ней, то начать следует с матушки. Она, будучи женщиной суровой, что при ее-то профессии простительно, достигнув того возраста, о котором женщине-то и думать неприлично, все же решила снискать толику простого женского счастья. И жертвой ее стал некий полугном, не то польстившийся на матушкино состояние, не то и вправду очарованный ею. Не знаю. Впрочем, о своем отце, которого матушка поименовала ошибкой молодости, я знаю и того меньше. Да и о Гретином матушка рассказывала с превеликой неохотой.

Оно и ясно.

Грета только-только появилась на свет, когда он, не вынеся тягот семейной жизни, сбежал с молоденькой соседкой, а заодно прихватил и матушкины сбережения.

Матушка поначалу затосковала, но после, рассудив, что если жизнь семейная не удалась, то стоит вернуться к тому, что удавалось ей лучше всего, — к охоте на нежить, отправила нас с Гретой к тетке. Сама навевалась изредка, отдавая родительский долг и, что куда актуальней, наше содержание. Тетка не была плохой, нас любила как умела. И воспитывала тоже как умела. Получилось... что получилось. Как бы там ни было, детство наше, в той или иной степени счастливое, давным-давно минуло, как и юность, и младые годы, проведенные в стенах университета.

К слову, тетка была категорически против университета, полагая, что женщине нужны не науки, а муж хороший, но матушке вдруг возжелалось стать основоположницей династии. И если Грета к некромантии талантов не проявляла, что воспринималось как влияние дурной отцовской крови, то уж на меня возлагались немалые надежды. К счастью, матушка не дожила до их крушения. Что тут говорить, некромант — профессия опасная...

В наследство нам досталось известное имя, записная книжка с наставлениями и дюжиной заклятий разной степени готовности, а также небольшой счет в гномьем банке, где матушка после истории с беглым супругом хранила сбережения. Тетушка, благодаря усилиям которой

в университет устроили и Грету — от мысли выдать мою сестрицу замуж она отказалась давно, — пережила маму на пару месяцев.

В общем, неудачный был год...

Грета полагает, что именно тогда мой характер и претерпел некоторые, весьма пагубные изменения. Возможно, что и так, но, согласитесь, в подобных обстоятельствах оптимизму взяться было просто-таки неоткуда! А если добавить, что с учебой у меня не ладилось, да и к выбранной профессии душа не лежала, и экзамены мне зачили не то из жалости, не то из уважения к матушкиной памяти... Но что толку от диплома, если работы нет? Маминых денег хватило на пару лет, но... все когда-нибудь да заканчивается, а деньги так и вовсе имеют обыкновение таять, что снег весной.

А еще и Грета.

Нет, я люблю свою младшую сестру, хотя порой и возникает почти непреодолимое желание ее придушить. Грета... скажем так, в отца она и вправду пошла, что внешностью, что характером, что неудержимой склонностью к авантюрам.

Взять хотя бы эльфа...

Нет, эльфа брать не стоит, он в прошлый раз мне обошелся в полсотни золотых, которые я планировала потратить совсем иначе...

Значит, усики.

Как уже упоминала, внешностью Грета пошла не в матушку, которая, конечно, была женщиной корпулентной, форм выдающихся и весьма, как по мне, на любителя, а в отца-полугнома, а еще верней — в его гномью родню. Невысокая, плотно сбитая, она была широкоплечей и какой-то угловатой, будто наспех вытесанной из куска скалы. Впрочем, сей факт Грету никогда особо не смущал, равно как и несколько резковатые черты лица или оттопыренные уши, которые особенно умиляли тетушку. Другое дело — усики.

Усики были реденькими и рыжими. Светлыми. Почти незаметными. Но само их наличие лишало Грету душевного равновесия.

— Они все портят, — заявила она мне как-то, и я согласилась.

Кажется, тогда была осень. Или весна.

Главное, что в карманах было пусто, а на душе погано, и поэтому я готова была согласиться со всем, лишь бы Грета оставила меня в покое и позволила с чистым сердцем предаться страданиям.

— От них надо избавиться.

И я вновь согласилась. А Грета взялась за щипцы, конечно, из всего обилия инструментов выбрав именно мои, посеребренные, особо острые. Правда, затея выщипать усы закончилась провалом.

Слишком больно.

Сбрить их тоже не получилось, поскольку усы отросли спустя неделю и еще более густыми. Тогда-то Грета и вспомнила, что в списке бесчисленных ее достоинств имеется и диплом алхимика. Нет, мне уже тогда следовало заподозрить неладное. Но у меня, как нарочно, работенка замаячила. Вроде и несложная — склады почистить, а денег предлагали прилично. Я Грете с ее экспериментами из виду-то и выпустила.

С работой, конечно, вышло совсем не то и не так, как оно мне представлялось... едва жива осталась, хотя потом и заплатили прилично, еще и с компенсацией, потому как выходило в итоге дело уголовное. Но не о том речь, а о Грете.

Создала она состав, уж не знаю, чего и как намешала — алхимию сестрица моя полагала процессом исключительно творческим, требующим не академических знаний, а исключительно вдохновения. С вдохновением-то у нее никогда проблем не было.

К моему возвращению Гретины усы обрели невероятную густоту и ярко-рыжий колер.

К счастью, экспериментировала сестрица исключительно на себе и после того случая притихла на целых два месяца. Я уже и понадеялась, что образумится.

Ан нет... Не образумилась.

Котика вот принесла. В клетке.

Я котику от души сочувствовала.

— Мы намажем им котика! — меж тем возвестила Грета, и котик взвыл еще громче. Понимает, что ли? И если так, то живым он Грете точно не дастся.

— Эльфы тебя засудят, — я попыталась воззвать к Гретиному светлому чувству, поелику иных способов спасти животное от незавидной участи быть намазанным той пакостью, которая по сей день настаивалась в ведре, источая немислимые ароматы, не видела.

— А кто им скажет?

Порой моя сестрица была практична.

Жаль, что качество это проявлялось редко и весьма несвоевременно.

Я почувствовала, как голова моя наливается характерной тяжестью, которая любезно предупредила, что минут этак через десять, а в лучшем случае — через пятнадцать, мне станут глубоко безразличны что судьба котика, что задумка Греты.

— Послушай, — сестрица вцепилась в меня. — Я все продумала!

Она всегда все продумывала, как тогда, когда решила разводить деликатесных улиток для эльфийского ресторана...

Или торговать париками из конских хвостов, а мне потом пришлось доказывать, что Грета не принимала участия в акте вандализма по отношению к наиболее благороднейшим животным, в число коих вошел и жеребец градоправителя. Хвост Грета в приступе раскаяния порывалась вернуть, обещала приклеить самолично, но от штрафа раскаяние не спасло.

— Нам что нужно?

— Покой.

— Реклама, — возразила Грета, признававшая один вид покоя — посмертный. — И котик будет нашей рекламой! Ты взгляни на него, взгляни хорошенько.

Кот, сообразив, что именно сейчас мазать его не станут, примолк.

— Он, конечно, слегка истощал...

Слегка?

Да щедро побитая лишаем шкура висела на костях.

— И выглядит непрезентабельно...

Из пустой глазницы сочился гной. Полуразорванное ухо повисло. Но усы топорщились грозно, да и зубы kota были белы и длинны. Пожалуй, слишком длинны, чтобы не задуматься о родословной сего создания. Ох, чувствуется мне, что среди предков его были не только котики.

— Но в этом вся суть! Пойми, легко выиграть выставку с каким-нибудь эльфийским голым или орочьим мый-куном... — Грета потянулась было погладить котика, но тот предупреждающе зашипел. И сестрица предупреждению вяла. — И совсем другое — с обыкновенным дворовым...

— Какую выставку? — В моей голове тяжесть сменялась жаром. И значит, вот-вот полыхнет.

— Обыкновенную. Кошачью выставку под патронажем Пресветлого леса. Я же тебе вчера говорила.

Неужели?

А может, и так. Вчера у меня был внеочередной приступ меланхолии. Вызван он был... да мало ли причин у некрманта-неудачника пострадать над жизнью своей.

В общем, не до рассказов Гретиных мне было. Страдала я.

— Погоди, — усилием воли я сдержалась, чтобы не зарать. — Мы будем участвовать в королевской выставке с... этим?

Я ткнула пальцем в kota, который, видать, ошеломленный открывшейся перед ним жизненной перспективой, издал тоненький жалобный звук.

— Да! В том и фокус весь! Нам необязательно побеждать! Надо лишь прорекламирровать. Смотри, ты же не будешь спорить, что состав для роста волос хороший?

— Замечательный, — буркнула я.

Усы у Греты росли две недели кряду. И главное, шелковистые, ровненькие, волосок к волоску.

— Именно! Но на рынок косметики нам соваться нельзя. Я уже думала об этом, — Грета сцепила руки в замок. Она расхаживала по кухоньке и вид имела весьма решительный. Я бы сказала, пугающе решительный. — Эльфы не позволят.

— Как не позволят? — Все же приближение мигрени, приступы которой начались у меня сразу после вручения диплома — одно время я всерьез подумывала, что декан его напоследок самолично проклял, не простив мне того случая с беглым умертвием, — лишало способности думать.

— Обыкновенно! Эльфийские корпорации следят за рынком! И стоит появиться талантливому новичку... — Грета снизила голос до шепота, а еще огляделась.

Я тоже огляделась. Не то чтобы опасалась эльфийской слежки, но... на всякий случай.

Никого и ничего.

— Они пойдут на все, чтобы не допустить конкуренции! Или думаешь, этот судебный запрет просто так написали?

— Конечно, не просто так. У человека нервы сдали.

— Он не человек!

— Тем более.

Эльфа где-то в глубине души было жаль. Но очень в глубине, поскольку пожалеть его от всего сердца мешали потерянные деньги. Денег мне было куда жалче, чем эльфа. Деньги эти, если подумать, были мне куда как родней.

— Я не сразу сообразила, что он работает на них. Но когда поняла, все сразу стало ясно. Его подсунули мне, чтобы отвлечь от исследований...

— Грета, — я одернула сестрицу, — нет нужды отвлекать того, кто и сам готов отвлечься.

Сестрица насупилась, но все же долго обижаться она не умела, тем паче когда вся суть ее требовала беседы.

— В общем, с эльфами нам не конкурировать, — завершила Грета и пальцем ткнула в котика, который благоразумно шархнул в сторону, небось спасал второй глаз. — Другое дело, что есть еще один рынок...

— Котиков.

— Животных. Ты не представляешь, какие деньги крутятся на выставках! Да за средство, которое позволит улучшить шерсть, будут платить золотом!

Как ни странно, но в этой ее идее, если отвлечься от эльфийской паранойи, что-то да было. Или то же прибли-

жение мигрени все же исказило мое видение мира? Правда, остался еще один вопрос.

— Сколько? — шепотом спросила я.

— Чего «сколько»? — Грета тотчас смутилась, почти искренне смутилась, неужто полагала, что я после проекта с красными жабами, слизь которых предполагалось сдавать в аптеку, и трех месяцев вынужденной перловой диеты и вправду о деньгах позабуду?

— Во сколько этот... котик стал?

— Котик? — Грета подпрыгнула. — Котик... два медяка...

Подозрительно дешево.

Просто так дешево, как оно быть не может.

— И сорок пять золотых за выставку, — быстренько добавила Грета.

— Сколько?!

У меня аж мигрень отступила.

— Сорок пять... ну, это же королевская выставка... там судьи международного класса... и вообще, мы должны были еще паспорт предоставить, а его нет... поэтому пришлось доплатить...

Сорок пять.

Сорок и еще пять. Да на эти деньги... мы бы жили два месяца! Мы и планировали на них жить два месяца, потому как с работой вновь было неясно. Точнее, ясно, что в ближайшем будущем работы мне не видать. А теперь что?

— Ты только не волнуйся! Вот увидишь, у нас с котиком все получится! — Грета подтолкнула меня к двери. — Иди приляг... ты вон вся белая стала. Мигрень, да? А хочешь, я тебе чаечку сделаю?..

— Сорок пять...

— Это всего-навсего деньги! Скоро мы разбогатеем... вот увидишь...

Не увижу. И вообще вряд ли до того счастливого момента доживу.

Но я позволила себя уложить. И Грета в приступе угрызений совести, не иначе, накрыла меня пледиком. Тем самым розовым, отчетливо пованивающим кошачьей мочой.

— Сорок пять золотых, — прошептала я, прежде чем лавина боли накрыла меня с головой.

Нынешний приступ длился сутки, а такого со мной давненько не случалось. Вообще в годы младые, как и в юные, я была на диво здоровым ребенком, не подверженным не то что мигреням, но и обыкновенным простудам. А вот в университете и началось.

В первый раз я слегла аккурат перед выпускным, и не сказать чтобы сильно опечалилась. Чего мне там делать? Смотреть, как Глен кружит вокруг моей заклятой приятельницы, а на меня если и смотрит, то с сочувствием, и что поганей всего, с искренним.

Как же... я осиротела.

И заодно уж лишилась места при городской гильдии, которое полагала своим, но... в общем, завидной невестой я и в лучшие времена не являлась. Как бы там ни было, но тогда приступ головной боли спас меня, потому я и не стала обращаться к целителям.

Подумаешь, голова разламывается на части. Авось до конца не разломится.

К сожалению, у головы имелось собственное мнение на сей счет. Разламываться она повадилась с завидной регулярностью, как правило, приурочивая разломы к тем или иным значимым событиям моей жизни, будь то встреча с потенциальным клиентом или очередной визит в участок за Гретой...

Целитель же, к которому я обратилась, лишь руками развел. Мол, внешних причин для болезни нет, а внутренние... на поиск причин внутренних требовалось небольшое состояние, которого у меня не было. Вот и жили мы втроем: Грета, я и моя мигрень.

Ну и котик еще.

То, что котик за упомянутые сутки не исчез, я поняла по стойкому запаху мочи, которым пропиталась кухня. И запах этот, мешаясь с ядреным смрадом Гретиного средства, создавал воистину убойную атмосферу.

— Тебе уже лучше? — Сестрицу запах, похоже, нисколько не беспокоил.